

Алла Тындик

Сергей Васин

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ И ИХ СЕМЕЙ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Ратификация Россией Конвенции ООН о правах инвалидов потребовала проведения регулярного мониторинга социального положения инвалидов и семей с инвалидами, обострив вопрос о доступных и пригодных для этих целей данных. В статье раскрывается специфика российской статистики инвалидности и место переписей населения в ней. Последние представляют интерес для изучения социального положения инвалидов в России, однако, ранее в этих целях они не использовались. Фокус настоящей статьи сосредоточен на анализе социально-экономического положения семей с детьми-инвалидами как одной из наиболее уязвимых групп населения. В сопоставлении с административными данными проводится анализ корректности переписных оценок численности контингента детей-инвалидов, выявляется проблема недоучета детей-инвалидов. Делается вывод о том, что источник этой проблемы кроется в неточности применяемого критерия инвалидности. На базе доступных с недавнего времени микроданных всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. оценивается структура семей с детьми-инвалидами, образование и занятость родителей, источники средств к существованию и доступ детей к обучению. В разрезе этих характеристик демонстрируется существующее неравенство в положении семей с детьми-инвалидами по сравнению с остальными семьями с детьми и его масштабы. В завершении показаны возможности развития статистики инвалидности как фундамента для реализации

Алла Олеговна Тындик – к. э. н., в. н. с. Института социального анализа и прогнозирования, РАНХиГС, Москва, Россия. Электронная почта: tyndik-ao@gane.ru

Сергей Алексеевич Васин – в. н. с. Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС; ст. преподаватель, кафедра демографии НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: vasin-sa@ganepa.ru

в России принципов Конвенции о правах инвалидов. В частности, раскрываются способы учета социального определения инвалидности через оценку функционального статуса в сплошных и выборочных наблюдениях населения. Использование стандартной международной методологии позволило бы оценить социальное положение семей с детьми-инвалидами в сравнительной перспективе.

Ключевые слова: инвалидность, дети-инвалиды, семьи с детьми-инвалидами, положение семей, переписи населения

Идея равенства возможностей лежит в основе современной социальной политики. Без измерения социального положения разных групп невозможно оценить глубину этого неравенства, успешность проводимой политики. В настоящей работе внимание сосредоточено на одной из наиболее уязвимых групп – детях-инвалидах и их семьях. Интерес обусловлен тем, что ратификация Россией Конвенции ООН о правах инвалидов вменяет в обязанность проведение национального мониторинга их социального положения. Мы останавливаемся на проблемах учета детей-инвалидов в России и на самом определении инвалидности, раскрываем возможности анализа положения семей с детьми-инвалидами и даем рекомендации к улучшению качества статистики детской инвалидности.

В России изучение положения этих групп сталкивается с рядом трудностей, главная из которых – скудность данных. До настоящего момента репрезентативных данных по стране, позволяющих получить социально-демографические характеристики семей с детьми-инвалидами, не существовало. Обычно их получают из выборочных обследований и переписей населения. Однако, по нашим расчетам, уровень инвалидности среди детей относительно низок – примерно 2%, а полезными в этой связи могут быть лишь сверхкрупные обследования (например, НОБУС¹). В Комплексном обследовании условий жизни населения из 4000 детских анкет были получены данные о 50 детях, имеющих инвалидность на момент опроса (Комплексное обследование... 2014). Первая волна опроса ИнСАП РАНХиГС о положении инвалидов зафиксировала 54 домохозяйства с детьми-инвалидами (1% опрошенных). Поэтому оценка положения детей-инвалидов и их семей, как правило, основывается на специализированных опросах в отдельных городах и регионах (Сухих, Чеха 2011), и не может быть распространена на национальный уровень. Отсутствие в выборках таких опросов контрольной группы не позволяет ответить на главный вопрос о глубине социального неравенства.

Переписи населения не несут такое же количество информации, как выборочные обследования, а те, что были проведены в 2002 и 2010 гг.

¹ Национальное обследование бюджетов домашних хозяйств и участия в социальных программах.

в России, имеют и ряд других недостатков, о чем будет сказано ниже. Ключевой момент в том, что ранее доступны были только разработочные таблицы материалов переписей – бесполезные для анализа узких социальных групп. Недавно для пользователей открылась возможность формировать запросы к базе данных переписей, и в статье нами предпринята попытка ввести в научный обиход единственно доступные репрезентативные данные о положении детей-инвалидов и их семей.

Переписи населения как источник данных о детях-инвалидах в России

Инвалидность, как и здоровье, сложное и меняющееся вместе с обществом понятие. Попытка его измерить сталкивается с рядом трудностей. В последние десятилетия главной тенденцией стал переход от «медицинской» к «социальной» модели инвалидности. В Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья отражена эта тенденция и создан фундамент для количественных оценок инвалидности. Переписи населения рассматриваются ООН как один из важнейших методов сбора данных об инвалидах и их социально-экономическом положении. Рекомендации ООН в отношении вопросов об инвалидности в переписях населения опираются на указанную Классификацию и работы Вашингтонской группы по статистике инвалидности (ООН 2009; Centers for... 2010). Внедрение нового подхода, который учитывает не только медицинский, но и социальный характер данного явления в переписи населений разных стран, повлекло более высокий уровень его распространенности по сравнению с прежними показателями (Loeb, Madans 2008; Рагозина и др. 2015).

Россия не следовала рекомендациям ООН ни в 2002, ни в 2010 гг.: в программу проведения переписей не были включены стандартные вопросы, связанные с оценкой функционального статуса инвалидов (не включены они и в Микроперепись 2015 г.). Более того, в России превалирует технократический подход к инвалидности, в рамках которого она воспринимается как медицинская «поломка», требующая соответствующей починки. Вокруг этого строится вся статистика инвалидности, которая, помимо прочего, носит характер обрабатываемости. Мы рассматриваем существующие практики в отношении сбора данных об инвалидах в России, и потому не уделяем отдельного внимания социальному подходу.

В программах всероссийских переписей населения, следуя традиции, заложенной в советское время, сохранился подход к определению инвалидности на основе официального статуса инвалида по вопросу об источниках средств к существованию, в списке которых пенсия по инвалидности выделена отдельной строкой. Положительный ответ о ее получении используется как критерий инвалидности. Насколько точно переписи учитывают

контингент детей-получателей пенсии по инвалидности? За ответом мы обратились к сопоставлению переписных оценок с данными административных источников. Последние остаются в России основным методом сбора информации о детях-инвалидах. Два из них – регистры Пенсионного фонда и Минздрава – располагают данными о контингенте детей-инвалидов в целом (детальный обзор см. в Малева и др. 1999). Третий регистр – бюро медико-социальной экспертизы – возможно, тоже имеет сведения обо всей совокупности детей-инвалидов, но его отчеты содержат информацию только о детях с впервые и повторно установленной инвалидностью¹.

Общая численность детей-инвалидов по данным двух ведомств не совпадает (рис. 1). Расхождения меняются во времени и, как правило, не в пользу сведений из Минздрава, который недоучитывает число детей-инвалидов. В межпереписной период недоучет вырос с 3,4 в 2002 г. до 8,4% в 2010 г., а в дальнейшем превысил 10%. Оба источника указывают на значительное сокращение численности детей-инвалидов в 2003–2009/2010 гг. Спад обусловлен убылью числа детей в возрасте 10 лет и старше. Этот эффект заметен и при сравнении данных переписей: численность детей-инвалидов, учтенных переписью 2002 г., значительно выше по сравнению с 2010 г., так как в старших детских возрастах тогда находились поколения 1980-х гг. рождения (рис. 2, слева). Если же обратиться к доле учтенных детей-инвалидов в каждом возрасте, переписи 2002 и 2010 гг. демонстрируют довольно близкие оценки (рис. 2, справа).

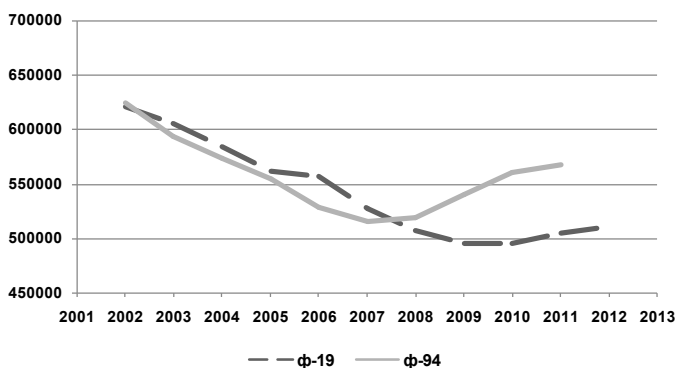

Рисунок 1. Число детей-инвалидов по данным Минздрава (форма 19) и данным ПФР о пенсиях детям-инвалидам (форма 94 (Пенсии)) в 2002–2012 гг. (на конец года), Россия, оба пола, тысяч.

¹ В зависимости от степени ограничений жизнедеятельности инвалидность устанавливается на срок один или два года, либо до достижения возраста 18 лет. Последняя категория не попадает в отчеты бюро медико-социальной экспертизы (Росстат 2010).

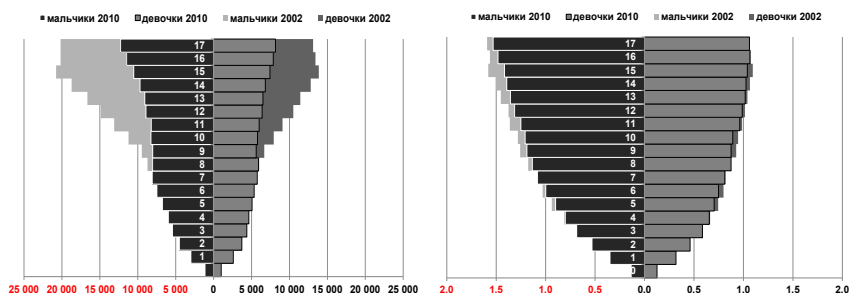

Рисунок 2. Половозрастная структура детей-инвалидов, человек (слева) и доля во всем населении соответствующего возраста (справа) в ВПН-2002 (без контуров) и в ВПН-2010 (с контурами).

Источник: расчеты авторов на основе микроданных ВПН-2002 и ВПН-2010.

Подтверждает снижение величины детской инвалидности между переписями и динамика общих коэффициентов, публикуемых в официальных статистических сборниках. В действительности это не так: уровень инвалидности не только не снижался, но с 2008 г. рос. К такому выводу приводит анализ стандартизованного коэффициента детской инвалидности, который позволяет устранить влияние изменений в возрастной структуре детского населения (Рагозина и др. 2015).

Расхождения в численности детей-инвалидов между ПФР и Минздравом значимы, но в сравнении с ее недооценкой российскими переписями не так принципиальны. По отношению к численности детей-инвалидов в форме 94 (Пенсии) перепись 2002 г. учла 50,5 % контингента, 2010 г. – 43,6%. Сопоставление с данными из ПФР более корректно, чем с данными из Минздрава: как и переписи, они дают информацию о получателях пенсии по инвалидности и, кроме того, носят статус официальных. Среди причин, приводящих к такому положению, можно выделить общие и частные. Общие связаны с типичными ошибками советских (Андреев 2003) и российских переписей (Андреев 2012), среди которых – недоучет детей до 3 лет и особенно до 1 года. Однако масштаб общего детского недоучета несопоставим с размером недоучета детей-инвалидов¹.

Причина, очевидно, в том, что в программе переписей нет прямого вопроса о наличии инвалидности, а есть вопрос о пенсии по инвалидности как об источнике средств к существованию (ИСС). Вопрос об источниках сложен для заполнения: должен быть получен полный список всех имеющихся в домохозяйстве, но на практике множественные ИСС учитываются плохо (Васин, Козлов 2013: 186). Часть респондентов скрывает эту информацию

¹ Недоучет детей, родившихся в год проведения переписей (до момента начала переписи), составил 3,5 % в 2002 г. и 7,4 % в 2010 г. (Андреев 2012: 22).

намеренно (опасаются говорить о доходах), кто-то затрудняется выбрать или вспоминает не все источники. Другое объяснение связано с неудачной реализацией в переписях разделения пенсий на две части: «пенсии по инвалидности» и «пенсии (кроме пенсий по инвалидности)». Инструкции переписей относят к последним все социальные пенсии, не упоминая, что в соответствии с законодательством в них находятся и пенсии инвалидам с детства и детям-инвалидам. Об этих категориях пенсий в инструкции нет ни слова и, естественно, нет указаний по их классификации, что, на наш взгляд, является главной причиной, по которой переписи учли пенсии детям-инвалидам гораздо хуже, чем, например, детские пособия.

Недоучет детей-инвалидов и, соответственно, семей с детьми-инвалидами в российских переписях велик, но в условиях острого дефицита информации об их социальном положении, из-за которого их проблемы практически невидимы обществом, нельзя пренебрегать и такими данными.

В каких семьях живут дети-инвалиды?

Всероссийские переписи населения (ВПН) дают возможность проанализировать положение только частных домохозяйств. Всего в семьях проживает около 87,5% детей-инвалидов (по данным Минздравсоцразвития), остальные живут в интернатах. Среди первых относительно выше доля детей с физическими ограничениями здоровья, а среди проживающих в интернатах – детей с умственными и психическими нарушениями.

Формат представления базы данных ВПН накладывает определенные ограничения, в частности, нет возможности однозначного соотнесения индивидуальных характеристик матери (отца) и ее (его) ребенка. Тем не менее достаточно достоверное кросс-пересечение признаков ребенка и родителя возможно: это индивидуальные характеристики ребенка и ответы женщины/мужчины из подразделов «Ответы жены / ответы мужа» раздела «Семейная ячейка». Они есть только для полных семейных ячеек, и анализ положения одиноких матерей с детьми-инвалидами невозможен. Это серьезное ограничение, ведь монородительские семьи находятся в наиболее уязвимом социальном положении (Овчарова 2012). Кроме того, получаемые данные относятся именно к детям, и трактовать их следует, например, в духе показателя «Число детей, живущих в домохозяйствах, в которых жена из полной семейной ячейки работает/не работает». Есть некоторое число домохозяйств, в которых лица моложе 18 лет не будут детьми той женщины, чьи ответы анализируются. Однако последним замечанием можно пренебречь – смещение оценок незначимо вследствие невысокой доли таких домохозяйств.

Даже такая информация о составе семьи проживания представляет собой аналитическую ценность. В среднем, около двух третей детей-инвалидов, проживающих в частных домохозяйствах, живут в полных семьях. Около 27% живут только с матерью (и возможно, с братьями или сестрами),

и эта доля выше, чем в среднем по населению, на 4 п.п. Ряд исследований в разных субъектах РФ показывает, что врожденная или приобретенная инвалидность ребенка повышает вероятность распада брака (Фонд поддержки детей... 2010). Семейные ячейки выделяются на основании родительно-детских отношений, поэтому в число «отдельно проживающих лиц» входят все несовершеннолетние, проживающие без родителей. К ним относятся и дети, живущие только с бабушками или другими родственниками. Среди детей-инвалидов старших возрастов доля проживающих отдельно ниже, чем по детскому населению в целом.

Матери детей-инвалидов чаще не имеют профессионального образования: 36,4 против 24,6% в 2010 г. (здесь и далее: сравнение со всем детским населением, оценки по супружеским парам с детьми до 18 лет). Также и доля отцов, не имеющих профессионального образования, в семьях с детьми-инвалидами больше (38,3 против 27,7%), а с высшим профессиональным образованием – меньше (19,7 против 30,2% по всему детскому населению). Пенсии по инвалидности имеют социальный окрас, другими словами родители с высоким социальным статусом незаинтересованы в их оформлении. Это приводит к недопредставленности последних в группе семей с детьми-инвалидами, усиливая картину реального неравенства.

Доля незанятых среди матерей детей-инвалидов предсказуемо выше. По данным выборочных опросов, в каждой второй семье неоплаченный труд матерей по уходу за ребенком-инвалидом выполняется в объеме, эквивалентном средней продолжительности рабочего дня (Кулагина 2004). Трудоустройство женщин, воспитывающих детей-инвалидов, затруднено: нередко они вынуждены искать место работы ближе к дому и с неполным рабочим днем. Незрелость гибких форм занятости и возможностей домашней работы приводят к уходу женщин с рынка труда. Незанятость матери вкпе с высоким уровнем расходов на реабилитацию ребенка увеличивают риски бедности семьи. Среди семей с детьми-инвалидами выше и доля тех, в которых не заняты оба родителя (около 15 против 6% по всему детскому населению). Форма кривой зависимости уровня занятости женщин с детьми-инвалидами от возраста женщины та же, что и для женщин с детьми по всему населению, однако сама кривая находится на значительно более низком уровне (рис. 3).

Чем младше ребенок, тем ниже вероятность того, что его мать работает. Доля незанятых матерей падает с 64,4 до 48,4% по мере взросления ребенка-инвалида (с 49,3 до 24,7% по всему детскому населению). Для женщин, воспитывающих детей дошкольного возраста, основным барьером к возвращению на рынок труда является недоступность организаций по уходу и воспитанию детей (детских садов и других). Возможности устроить ребенка с инвалидностью в такие организации, специализированные или инклюзивные, остаются очень низкими. Этим обусловлена столь высокая доля неработающих матерей детей-инвалидов дошкольного возраста. Для женщин

с детьми школьного возраста фактором, препятствующим выходу на рынок труда, становится отсутствие членов семьи, с которыми можно оставить ребенка во внеучебное время или которые могли бы забирать ребенка из школы. Для матерей детей-инвалидов этот вопрос стоит наиболее остро.

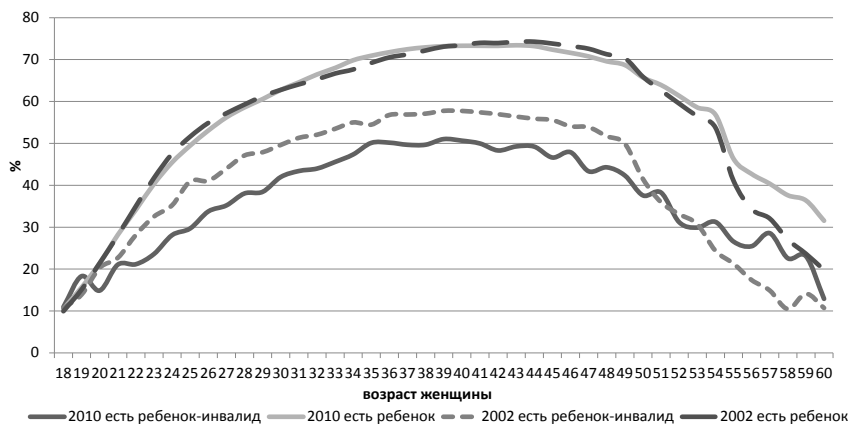

Рисунок 3. Уровень занятости женщин с детьми из супружеских пар с детьми до 18 лет, %

Дети, не имеющие ограничений по здоровью, могут оставаться в группах продленного дня или находиться дома одни. Режим работы школы (как обычной, так и коррекционной) не подстраивается под полный рабочий день, и не все предоставляют возможность оставить ребенка-инвалида до вечера. Выходом здесь может стать его устройство в пятидневную школу-интернат, однако такие существуют не везде. Наконец, стоит учесть, что дискриминация женщин с детьми на рынке труда может быть довольно высокой. Еще выше она в отношении женщин, дети которых имеют ограничения по здоровью: потребность в более частых больничных отпусках, невозможность ездить в командировки или работать во внеурочные часы снижают привлекательность таких работников для работодателя. Помимо этого, остается заметной дискриминация работников старших возрастов. Доля женщин предпенсионных и пенсионных возрастов среди матерей детей-инвалидов выше, чем по всему детскому населению. Это также сказывается на уровне их занятости.

Занятость матери ребенка-инвалида растет с уровнем ее образования – и даже сильнее, чем по всем женщинам с детьми (рис. 4). Однако настораживает, что за межпереписной период уровень занятости женщин с детьми-инвалидами сократился: сильнее всего в группе женщин без профессионального образования (на 9 п. п.), немного меньше – в группах с начальным и высшим профессиональным образованием (на 6 п. п.).

Рисунок 4. Доля занятых женщин с детьми и с детьми-инвалидами в зависимости от уровня образования, 2002 и 2010 гг.

Между городом и селом сохраняются значительные различия в уровне занятости родителей детей-инвалидов. В сельской местности менее трети семей с детьми-инвалидами имеют двух работающих родителей, в городской таковых 45%. Значительно выше на селе доля семей, в которых не работают оба родителя. Однако разрыв между занятостью родителей детей-инвалидов и всеми родителями в городе выше, чем на селе (20,4 против 17,3 п. п.). Другими словами, возможности трудоустройства в сельской местности сейчас затруднены для всех. Это следует и из того, что в городе уровень занятости матери ребенка-инвалида растет более интенсивно по мере его взросления, чем это происходит в сельской местности.

Трудовая деятельность выступает основным источником средств к существованию семей. В качестве таковой ее указали около 75% отцов и около 42% матерей детей-инвалидов. Значимое место в списке доходов занимают пособия и пенсии (в которые респонденты могли включать и пенсию на ребенка-инвалида). Для женщин не менее важным оказывается помощь на иждивении, помощь других лиц и алименты.

В сельской местности высока доля домохозяйств, имеющих более одного источника дохода, и большую роль играет личное подсобное хозяйство. Частично оно восполняет потери в трудовой занятости. Матери детей-инвалидов указывают на наличие личного подсобного хозяйства ожидаемо чаще: 52 против 44% по всему населению. Число семей с двумя источниками дохода в межпереписной период выросло – как среди всех, так и среди родителей детей-инвалидов.

Последней из значимых характеристик качества жизни ребенка-инвалида, представленных в переписях, является его доступ к услугам воспитания и образования. Среди детей-инвалидов дошкольного возраста

доля посещающих детские дошкольные учреждения (ДОУ) ниже, чем по населению в целом. В дошкольном возрасте (3–5 лет) более половины детей-инвалидов не посещают ДОУ (табл. 1). В 2010 г. только 35,1 % трехлетних детей с инвалидностью посещали ДОУ, 41 % четырехлетних и 46,1 % пятилетних. Стоит отметить, что по сравнению с 2002 г. ситуация немного улучшилась.

Таблица 1.

Доля детей и детей с инвалидностью, не посещающих дошкольные образовательные учреждения, %

	<i>Дети-инвалиды</i>	<i>Все дети</i>
3 года	65,0	29,8
4 года	58,1	22,5
5 лет	53,7	19,5
6 лет	39,7	11,7
7 лет	19,2	1,3

Примечание. Посещающие школу в данный показатель не входят.

Источник: расчеты авторов на основе микроданных ВПН-2010.

Охват детей-инвалидов образовательными программами за межпереписной период вырос: если в 2002 г. не обучалось в школе около 21 % детей-инвалидов 8–14 лет, то в 2010 г. – 16%. Почти все дети без инвалидности к 7 годам уже посещают школу (98,7%). В 7 лет учатся 70% детей-инвалидов, в 8 лет – 81,4%. Выбытие детей-инвалидов из образовательных организаций начинается с 15 лет.

Совершенствование источников данных о детях-инвалидах в России

Статистика инвалидности – это фундамент для реализации Конвенции о правах инвалидов, а переписи населения – не идеальный, но доступный инструмент для решения задач национального мониторинга положения инвалидов, а именно для оценки неравенства возможностей лиц с инвалидностью и их семей. Они подтвердили, что дети-инвалиды чаще прочих живут в семьях только с одним родителем. Социальный статус родителей ниже как по уровню образования, так и по положению на рынке труда. Незанятой, как правило, остается мать ребенка-инвалида. Однако в сельской местности, по сравнению со всем населением, значимо выше и доля семей с двумя неработающими родителями детей-инвали-

дов. Это определяет структуру источников средств к существованию: больший вес нескольких источников, среди которых помощь государства, других лиц и личное подсобное хозяйство. Полученные нами результаты соответствуют обыденному представлению о положении семей с детьми-инвалидами. Тем не менее ранее его ничем нельзя было подкрепить, и масштабы различий между семьями были неизвестны.

Каковы возможности развития статистики в направлении более корректной оценки положения семей с детьми-инвалидами в России? Как отмечалось, неточность оценки контингента детей-инвалидов переписями проистекает из того, что в их программе нет прямого вопроса о наличии инвалидности. В микропереписи 2015 г. помимо пенсий по инвалидности в списке ИСС появился вопрос «Установлена ли Вам сейчас группа инвалидности?» с вариантом ответа «ребенок-инвалид» (Росстат 2014). Однако он задается не всем, а только тем, кто отметил наличие у себя хронических заболеваний, ограничивающих жизнедеятельность. Эти группы совпадают не полностью: результаты выборочных обследований всегда фиксируют некоторое число тех, кто, имея группу инвалидности, не указал у себя наличие хронических заболеваний. Кто-то не понял вопроса, у кого-то хронического заболевания нет, а есть анатомический дефект, частичная или полная утрата какой-либо функции организма, не вызванная болезнью. Следовательно, численность инвалидов в МПН-2015 снова не даст точных оценок.

Официальный статус инвалида является следствием обращения в бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ), и его оценки не дают представления о реальном уровне распространенности явления. В частности, некоторые родители отказываются от оформления инвалидности ребенку, находя предстоящие испытания невыносимыми, в том числе в моральном плане (Романов, Ярская-Смирнова 2010: 54). В свою очередь бюро МСЭ, собирая обширные сведения об освидетельствованных, оставляют их недоступными для исследователей. Проводимая в последние годы модернизация работы системы МСЭ (Министерство труда... 2012) преодолет ее информационно-техническую отсталость, но сама по себе вряд ли приведет к большей открытости данных. Даже если это произойдет, проблема международной сопоставимости останется. Решить ее можно только с помощью внедрения в выборочные обследования и переписи стандартных инструментов для выявления ограничений жизнедеятельности детей (UNICEF 2014). Последнее позволило бы измерить уровень инвалидности в соответствии с ее «социальной моделью». Таких обследований в России пока не было. Опыт других стран показывает, что число выявленных в них инвалидов значительно превышает число инвалидов-бенефициаров системы социальной защиты. Скрининг по стандартной международной методологии позволил бы оценить положение семей с детьми-инвалидами в сравнительной перспективе.

Список источников

Андреев Е. М. (2003) Замечания о точности результатов советских переписей населения. *Вопросы статистики*, (1): 8–12.

Андреев Е. М. (2012) О точности результатов Российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении. *Вопросы статистики*, (11): 21–35.

Васин С. А., Козлов В. А. (2013) Источники средств к существованию населения России. А. Г. Вишневский (ред.) *Население России 2010–2011*, М.: Издательский дом НИУ ВШЭ: 184–224.

Малева Т. М., Васин С. А., Голодец О. Ю., Бесфамильная С. В. (1999) *Инвалиды в России: причины и динамика инвалидности, противоречия и перспективы социальной политики*, М.: РОССПЭН.

Кулагина Е. В. (2004) Занятость родителей в семьях с детьми-инвалидами. *Социологические исследования*, (6): 85–88.

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (2012) *Концепция совершенствования государственной системы медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9kE3g> (дата обращения: 15 января 2015).

Овчарова Л. Н. (2012) Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности. *Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*, (16): 15–38.

ООН (2009) *Принципы и рекомендации в отношении переписей населения и жилого фонда*. Второе пересмотренное издание, Нью-Йорк: ООН.

Рагозина Л., Рогозин Д., Васин С., Елисеева М., Бурдяк А., Тындик А. (2015) *Социальное положение инвалидов в Российской Федерации с учетом положений Конвенции о правах инвалидов*. Доступно по ссылке: <http://ssrn.com/abstract=2590272> (дата обращения: 25 февраля 2016).

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. (2010) Инвалиды и общество: двадцать лет спустя. *Социологические исследования*, (9): 50–58.

Росстат (2010) *Приказ № 409 от 22.11.2010 «Об утверждении Практического инструктивно-методического пособия по статистике здравоохранения»*. Доступно по ссылке: http://www.gks.ru/bgd/free/b11_27/Main.htm (дата обращения: 15 января 2015).

Росстат (2014) *Приказ № 267 от 22.04.2014 «Об утверждении форм документов федерального статистического наблюдения "Социально-демографическое обследование (микрорепрезентативное) населения" 2015 года»*. Доступно по ссылке: http://www.gks.ru/bgd/free/b11_27/Main.htm (дата обращения: 15 января 2015).

Сухих В. Г., Чеха С. В. (2011) Особые потребности семей с детьми-инвалидами (по результатам мониторинга в Красноярском крае). *Социологические исследования*, (2): 140–143.

Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (2010) *Дети в трудной жизненной ситуации: новые подходы к решению проблем* М.

Centers for Disease Control and Prevention (2010) *The Measurement of Disability Recommendations for the 2010 Round of Censuses*. Available at: <https://clck.ru/9kE5U> (дата обращения: 18 February 2015).

Loeb M., Madans J. (2008) *Understanding and Interpreting Disability as Measured using the WG Short Set of Questions*. Eighth Meeting of the Washington Group on Disability Statistics. October 29–31, Mandaluyong, Philippines. Available at: <https://clck.ru/9kE5B> (дата обращения 12 February 2015).

UNICEF (2014) *Module on Child Functioning and Disability. Washington Group on Disability Statistics*. Available at: <https://clck.ru/9kE5F> (дата обращения: 20 February 2015).

Alla Tyndik, Sergey Vasin

CHILDREN WITH DISABILITIES AND THEIR FAMILIES' STATUS: EVIDENCES FROM CENSUSES

A shortage of representative data on the national level on the social and economic status of children with disabilities (CWD) and their families became more apparent after Russia ratified the Convention on the Rights of Persons with Disabilities. The number of CWD identified in regular population surveys is not sufficient to allow a comprehensive analysis. Given this situation, population censuses become the main source of data on CWD. Censuses provide a list of current pension beneficiaries on disability. However, as access to this data was opened only recently, it has not been possible to use this information to provide a comparative analysis of the opportunities of CWD and their families. The aim of this article is to analyse the status of CWD and their parents living in private households identified by censuses 2002 and 2010, and to assess the advantages and disadvantages of the censuses data on CWD. Both censuses point at some pronounced inequalities. Parents of the CWD are less educated and less professionally trained. Unemployment among mothers of the CWD is much higher. Finding a job is an issue that is especially acutely felt in rural areas. The percentage of rural families in which both parents are jobless is higher than in urban areas. This makes a personal subsidiary plot highly important for rural families with CWD. Participation of CWD in pre-school and school education rose between the censuses but a gap still persists. CWD live in single-parent families more often than other children. However, CWD are still extraordinarily underestimated in both censuses: more than 50% of CWD were omitted. This huge discrepancy could point to bias in census estimates and, perhaps, this has led to an exaggeration of the differences revealed between families with CWD and other families with children. This drawback is methodological in nature and due to unclear instructions in classifying pensions by their types. Although these 'state-of-art' statistics on children with disabilities are, in fact, rather poor, we suggest a few simple steps to improve the situation. One of them would be to put the direct question about 'official' disability in the censuses.

Key words: disability, children with disabilities, families with children with disabilities, population census

References

Andreev E. M. (2003) Zamechaniya o tochnosti rezul'tatov sovetskikh perepisey naseleniya [Comment on the Accuracy of Soviet Population Censuses]. *Voprosy statistiki* [Statistical Studies], (1): 8–12.

Alla O. Tyndik – Cand. of Sc. (Econ), leading researcher, Institute for social analysis and prediction RANEPА, Moscow, Russian Federation. Email: tyndik-ao@rane.ru

Sergey A. Vasin – leading researcher, Institute for social analysis and prediction RANEPА; lecturer, chair of demography, NRU-HSE, Moscow, Russian Federation. Email: vasin-sa@ranepa.ru

Andreev E. M. (2012) O tochnosti rezul'tatov Rossijskikh perepisej naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informacii o naselenii [On Accuracy of Russia Population Censuses Results and Level of Confidence in Different Sources of Information]. *Voprosy statistiki* [Statistical Studies], (11): 21–35.

Centers for Disease Control and Prevention (2010) *The Measurement of Disability Recommendations for the 2010 Round of Censuses*. Available at: <https://clck.ru/9kE5U> (дата обращения: 18 February 2015).

Fund of the Support of Children in Difficult Life Situation (2010) *Deti v trudnoj zhiznennoj situacii: novye podhody k resheniyu problem* [Children in Difficult Life Situation: New Approaches to a Solution], Moscow.

Kulagina E. V. (2004) Zanyatost' roditel'ev v sem'yakh s det'mi-invalidami [Employment of Parents of Children with Disabilities]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (6): 85–88.

Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation (2012) *Koncepciya sovershenstvovaniya gosudarstvennoj sistemy mediko-social'noj ehkspertizy i reabilitacii invalidov* [A Concept of Development of the State System of Medical and Social Expertising and Rehabilitation of People with Disabilities]. Available at: <https://clck.ru/9kE3g> (accessed 15 January 2015).

Loeb M., Madans J. (2008) *Understanding and Interpreting Disability as Measured using the WG Short Set of Questions*. Eighth Meeting of the Washington Group on Disability Statistics. October 29–31, Mandaluyong, Philippines. Available at: <https://clck.ru/9kE5B> (accessed 12 February 2015).

Maleva T. M., Vasin S. A., Golodec O. Ju., Besfamil'naja S. V. (1999) *Invalidy v Rossii: prichiny i dinamika invalidnosti, protivorechija i perspektivy social'noj politiki* [Disabled People in Russia: Causes and Dynamics of Disability, Controversies and Future of Social Policy], Moscow: ROSSPEN.

OON (2009) *Principy i rekomendacii v otnoshenii perepisej naseleniya i zhilogo fonda. Vtoroe peresmotrennoe izdanie* [Principles and Recommendations for Population and Housing Censuses], New York: UNO.

Ovcharova L. N. (2012) Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredeleniya i izmereniya bednosti [Theoretical and Methodological Issues of Defining and Measuring Poverty]. *Social'naya politika: ehkspertiza, rekomendacii, obzory* [Social Policy: Expertise, Recommendations, Overviews], 16: 15–38.

Ragozina L., Rogozin D., Vasin S., Eliseeva M., Burdjak A., Tyndik A. (2015) *Social'noe polozhenie invalidov v Rossijskoj Federacii c ychetom Polozhenij Konvencii O Pravah Invalidov* [The Social Status of Disabled People in the Russian Federation in the Light of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2590272> (accessed 25 February 2016).

Romanov P. V., Iarskaya-Smirnova E. R. (2010) Invalidy i obshchestvo: dvadcat' let spustya [Persons with Disabilities and Society: Twenty Years On]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (9): 50–58.

Rosstat (2010) *Prikaz № 409 ot 22.11.2010 'Ob utverzhdenii Prakticheskogo instruktivno-metodicheskogo posobiya po statistike zdravookhraneniya'* [Practical Guide to Healthcare Statistics]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/b11_27/Main.htm (accessed 15 January 2015).

Rosstat (2014) *Prikaz N 267 ot 22.04.2014 'Ob utverzhdenii form dokumentov federal'nogo statisticheskogo nabljudeniya "Social'no-demograficheskoe obsledovanie (mikroperepis' naseleniya) 2015 goda"'* [On Approval of Forms of Documents of the Federal Statistical Survey 'The Socio-Demographic Survey (Microcensus of Population) 2015']. Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/b11_27/Main.htm (accessed 15 January 2015).

Suhih V. G., Chekha S. V. (2011) Osobyje potrebnosti semej s det'mi-invalidami (po rezul'tatam monitoringa v Krasnoyarskom krae) [Special Needs of Families with Children with Disabilities in Krasnoyarsk Krai]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (2): 140–143.

UNICEF (2014) *Module on Child Functioning and Disability. Washington Group on Disability Statistics*. Available at: <https://clck.ru/9kE5F> (accessed 20 February 2015).

Vasin S. A., Kozlov V. A. (2013) Istochniki sredstv k sushchestvovaniyu naseleniya Rossii [The means of Subsistence of Russian populations]. A. G. Vishnevsky (red.) *Naselenie Rossii 2010–2011* [Population of Russia 2010–2011], Moscow: HSE Publishing House, 2013: 184–224.